

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Анализируются концепции слова, которые развивали М.В. Ломоносов и Ф.И. Буслаев, устанавливается роль этих ученых в становлении русской лексикологии. Выявляются предложенные ими критерии типологии лексики, схемы семантической структуры слова, закономерности развития слова. Показана связь грамматики и лексики, слово представлено как существенный элемент предложения, и значение слова зависит от контекста. Доказывается, что формирование основ русской лексикологии начинается с середины XVIII в.

Ключевые слова: теория языка; лексикология; многоаспектный анализ слова; семантическая структура слова; лексика как система; М.В. Ломоносов; Ф.И. Буслаев.

Слово – основная и самая значимая единица языка. Любое знаменательное слово со своими производными – отдельная вселенная, особенно если иметь в виду семантическую структуру слова, весь спектр его эмоционально-экспрессивных и стилистических приращений.

Внимание к речевым фактам, особенно процессам номинации, отмечается уже у древнерусских писцов. Во времена Московской Руси во избежание двусмысленности поясняли предназначение предмета, описывали род занятий человека: *скотной двор а на нем строенья: ...овцам рубленой анбар да две повети коровам* (ДТП-1. С. 266); *жил во дворе поварок Шестюнка ести варил и хлебы пекъ; нанели дрововоза к варнице дров придвигати; розгребалицомъ дали семь алтын розгребали в поле навоз; наимовали вожелников возити навоз в поле* (ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 6. Л. 49, 49 об., 152 об.). Подобная практика способствовала включению функционального компонента в семантическую структуру слова.

Другой прием более точной характеристики предмета – использование тождесловов: *друшка и сваха едутъ с постелею, велите указать сенник, к которому месту приехати, а по обычному – потклетъ; и как приедут на дворъ и идут в сенникъ а по простому – в потклет* (Домострой, XVII в. С. 172, 183). Более подробное описание таких практик см. в [1. С. 40–50].

Начало профессиональных занятий русской лексикологией относят к последней четверти XIX в., а в ряд значимых фигур ставят А.А. Потебню, Н.В. Крушевского и М.М. Покровского. Задача нашей статьи – оспорить эту традицию и, соответственно, наметить другой ряд личностей, которые являются подлинными предтечами в создании лексикологии русского языка.

Но вначале отдадим должное традиционной версии. А.А. Потебня в пору общего увлечения фонетикой и морфологией писал: «В истории языка общего внимания заслуживает, конечно, исследование не звуковой наружности слов, которое при всей своей важности имеет лишь служебное значение, а мысленного содержания слов» [2. С. 5]. Любопытно, что, сформулировав первый вопрос «Что такое слово?» в первом абзаце первого тома своего знаменитого труда «Из записок по русской грамматике» (впервые издан в 1874 г.), А.А. Потебня сразу цитирует Ф.И. Буслаева и отталкивается от его определения слова как главной значимой единицы языка, затем подробно рассматривает семантическую структуру слова *верста*, историю

формирования его полисемии и делает вывод из напрашивающегося противопоставления языка и речи в пользу особой значимости употребления (речи): «слово в е р с т а, по-видимому, многознаменательно, но таково оно лишь в том виде, в каком является в словаре. Между тем действительная жизнь его и всякого другого слова совершается в речи... Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не несколькими, т.е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения» [3. С. 15]. Далее следует знаменитый пассаж Потебни: «малейшее изменение в значении слова делает его другим словом» слова [Там же], что равно аксиоме «одно значение – одно слово». В этом случае главный оппонент для Потебни – Ф.И. Буслаев с разделением значений на собственное и переносное [4. С. 18]. А.А. Потебня все же различает ближайшее (*народное*) значение и дальнейшее (*личное*). Потебня рассуждает как семасиолог, поэтому для него «в слове совершается акт познания», происходит познание «посредством наименования, сравнение познаваемого с прежде познанным» [3. С. 17]. Он стремится вслед за Буслаевым объяснять специфику смысловой стороны языковой системы и все семантические изменения влиянием общественно-исторического развития народа. Труды А.А. Потебни обозначили решительный сдвиг в семасиологической проблематике. Эти рассуждения А.А. Потебни и принято считать началом русской лексикологии.

Вспомним еще появившийся через девять лет «Очерк науки о языке» Н.В. Крушевского (1883 г.), который считал основным фактором развития языка «закон соответствия мира слов миру мыслей»: слова должны классифицироваться в нашем уме в те же группы, что и означаемые ими вещи. Он утверждал, что благодаря «ассоциации по сходству слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнезда», а вследствие «ассоциации по смежности должны строиться в ряды» [5. С. 65, 69]. Крушевский легко вывел из этого следующую зависимость: «Современные тематические группы лексики так и классифицируются: по предметно-логическому основанию» [Там же. С. 69]. Выдающийся ученый свою докторскую диссертацию «Очерк науки о языке» посвятил доказательству всеобъемлющей системной организации языка, особенно на фонетическом и морфологическом уровнях. Лексика для него системна не только сама по себе, но и в отношениях со словообразованием и

морфологией [5. С. 149]. Развитие этой идеи показало, что словарь языка – это, безусловно, система с некоторым количеством постоянных и, возможно, еще большим числом вариативных элементов. Системность лексики убедительнее всего проявляется в синонимических рядах, в лексико-семантических группах и однокорневых гнездах слов, во взаимоотношениях генетически и функционально разнородных элементов с тождественной или близкой семантикой. Системность обнаруживается и в структуре полисемантического слова, в иерархии его значений.

Активизация словарного дела обусловила рост интереса к теоретической лексикологии. В 1895 г. академик М.М. Покровский пишет «Семасиологические исследования в области древних языков», где ставит следующие вопросы: влияние семантики контекста на значение слова; влияние синтаксической конструкции на изменения смыслового содержания слов; воздействие морфологических и словообразовательных закономерностей на семантику слова; изучение семантики слова в связи с другими словами, синонимичными с ним, а главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений – здесь истоки идеи о лексико-семантической группе [6].

На этом этапе развития лексикологии выявились две зависимости: 1) словарная практика обгоняла формирование лексикологии; 2) историческая лексикология, хотя и описательная (на уровне истории отдельных слов), опережала развитие синхронной лексикологии.

Назовем две проблемы, которые выявились на этом этапе и до сих пор остаются неразрешенными.

Основной объект изучения лексикологии, по нашему мнению, – лексико-семантическая или тематическая группа. Исходной единицей анализа являются слово и набор производимых, а также семантически связанных словосочетаний с этим словом. Выбор слова в качестве исходной единицы исследования влечет за собой актуализацию ряда вопросов общей ономастики и семасиологии. Во-первых, это проблема сохранения единства и тождества слова, пределы фонетико-грамматического и семантического варьирования слова см. посвященные этой проблеме статьи В.В. Виноградова и В.Я. Дерягина [7, 8]. Во-вторых, оценка средств развития словаря: источники омонимии, энантиосемии, деэтимологизация, лексикализация и т.д. В-третьих, выявление универсального и национального в развитии полисемии и принципах номинации, в отношениях узусного и окказионального в различных лексико-семантических и предметно-тематических группах. В разработке этой проблематики открывается возможность перехода от «атомарности», от судьбы отдельных слов к анализу функционирования всего лексикона, возможность перехода от анализа к синтезу. В-четвертых, описание типов лексико-семантических групп. Минимальный объект исследования в этом случае – лексико-семантическая группа, структура и признаки которой последовательно сопоставляются по нескольким синхронным срезам. В качестве сравниваемых содержательных признаков избираются соотношение родовых и видовых слов внутри группы, количественные соотношения

мотивирующих признаков, лежащих в основе наименований, соотношение мотивированных и немотивированных лексем, уровень синонимичности и др. Подобным образом далее сравниваются между собой и разные группы, сосуществующие в языке в один и тот же исторический период (см. первый опыт такого анализа в работе [9]). Важно выявить специфические для конкретного периода особенности словаря, модели переноса, процессы онимизации и устойчивые элементы, составляющие сущность русского языка. Далее можно осуществить переход к типологическому изучению лексики близкородственных языков.

Но кого же можем предложить мы в качестве первопроходцев в формировании лексикологии русского языка?!

Прежде всего это Михаил Васильевич Ломоносов как предтеча научного изучения русского слова и его труд «О пользе книг церковных в российском языке» как первый трактат по русской лексикологии. Жанр этой работы обозначен автором как предисловие [10]. *Предисловие* – редкий жанр литературы XVII–XVIII вв., так называли в то время пролегомены – научные сочинения на наиболее важные темы, введение в научную дисциплину. Указанием на жанр ученый стремился подчеркнуть принципиальную важность этого труда среди других своих сочинений. Работа была помещена в начало первого тома «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе г. коллежского советника и профессора Михаила Ломоносова», изданного, если судить по объявленной дате, в 1757 г. Это самая последняя по времени создания и, на наш взгляд, наиболее основательная филологическая работа русского гения.

Есть несколько мнений об основных идеях предисловия. Распространенная версия: основываясь на разграничении лексики по ее происхождению, Ломоносов изложил здесь теорию «трех штилей». Другие пишут: «Работа Ломоносова разрешала три важнейшие в его условиях проблемы: 1) проблему сочетания церковно-славянских и русских, народных элементов в составе русского литературного языка, 2) проблему разграничения литературных стилей и 3) проблему классификации литературных жанров» [11. С. 894]. Высказано и третье предположение: «...представлена программная концепция, которая призвана определить принципы формирования русского литературного языка» [12. С. 141]. Все отмеченные идеи действительно есть в этом замечательном произведении.

Однако внимательное прочтение ломоносовского трактата позволяет увидеть в нем и другие важные мысли, предвосхитившие лингвистические идеи не только XIX, но XX столетия.

Работа состоит из четырех частей: 1) история возникновения литературно-письменного языка у славян; 2) структура русского литературного языка в современную (для Ломоносова) эпоху, т.е. в XVIII в.; 3) значение церковнославянского наследия для русского языка в процессе его исторического развития; 4) «польза» церковнославянского наследия для русского литературного языка XVIII в., для художественного творчества эпохи, для индивидуальной речи каждого автора.

Для целей нашего исследования важна вторая часть, где автор характеризует структуру русского литературного языка, описывает три группы литературной лексики и систему «штилей».

Чтобы оценить замечания классика, нужно разобратся в ломоносовских терминах и понять их смысловое наполнение.

Состав литературного языка описан так: «Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез *употребление* (здесь и далее выделено нами. – Г.С.) книг церковных по *приличности* (далее Ломоносов то же самое свойство будет называть “*рассудительное употребление и разбор*”. – Г.С.) имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка» [10. С. 588].

Почему здесь употреблено слово *степени (языка)*, а не *штиль*, которое неоднократно употребляется далее? Представляется, что для нашего автора это разные понятия.

Степени языка возникают на основе исторически сложившихся «трех родов речений» и отличаются друг от друга разной мерой употребления церковнославянского элемента («чрез употребление книг церковных»), эти «степени языка» существуют объективно, независимо от воли авторов, использующих «российское слово». Степени языка – это в нашем современном понимании *функциональные стили языка*.

Штили (в других его работах – «роды речей») – это *стили речи*, причем чаще – речи литературной. Поэтому (обратите внимание на разницу!) разные «степени» российский язык «имеет», а «три штиля рождаются от рассудительного употребления и разбору трех родов речений». Выражаясь по современному, языковой стиль в процессе употребления реализуется в конкретных речевых стилях. Кстати, в других работах Ломоносова «штилей» упоминается еще больше, поскольку анализ речевых разновидностей там не ограничивается только художественной речью. Так, в «Кратком руководстве к риторике» описываются указательный, советовательный, судебный «роды речей», а в подготовительных материалах к «Российской грамматике» предполагалось тексты «разделить на риторической, на пиитической, исторической, дидактической, простой» [Там же. С. 608]. По мнению В.П. Вомперского, «в этой записи слово “штиль” применяется для характеристики использования языка в разных сферах общественно-речевой практики» [13. С. 152].

Перед нами первая в отечественной лингвистике попытка различить *стили языка* и *стили речи* (разумеется, без употребления известной нам терминологии), и эта идея труда Ломоносова значительно позже блестяще развита В.В. Виноградовым [14. С. 211–234].

Однако поскольку Ломоносов различает «степени» языка и рождающиеся в употреблении (т.е. в речи) «штили», значит, в его работе есть и невыраженная вербально, но содержащаяся в потенции *идея различия языка и речи*.

Далее в предисловии следует характеристика «трех родов речений». Ломоносов назвал «три рода

речений», входящих в состав литературных средств активного употребления, но попутно выделил еще две группы, которые «выключаются» из литературного языка, поскольку их «ни в каком штиле употребить не пристойно»: 1) «неупотребительные и весьма обветшалые»; 2) «презренные слова». За этим скрывается впервые отмеченное именно Ломоносовым различие между *литературным языком* и *нелитературной частью общенародного языка*.

Однако для нас важны критерии, на основе которых Ломоносов описал эти пять групп лексики. Г.П. Блок и В.Н. Макеева увидели два признака: «по принадлежности слова к русскому или церковнославянскому языку и по степени употребительности слова» [11. С. 895]; В.П. Вомперский учел три признака: 1) «пристойность», т.е. соответствие слов «материям», теме повествования или рассуждения; 2) степень употребительности в разных сферах общения; 3) понятность [13. С. 143].

На наш взгляд, *при классификации лексики Ломоносов исходил из пяти признаков* (подходы к такой многосторонней характеристике лексики наблюдаются уже в «Кратком руководстве к красноречию»): 1) происхождение (или представленность в славянских языках); 2) время или продолжительность употребления: «которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны»; 3) сфера употребления (письменное или разговорное): «употребляются мало, а особливо в разговорах», «нет... в церковных книгах», «употребить... только в подлых комедиях»; 4) частота употребления: «кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны»; 5) эмоционально-экспрессивная окраска: «презренные слова, которые ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях» [10. С. 588]. Вывод из ломоносовского анализа лексики: предложенные им пять взаимосвязанных критериев характеристики слова – *это первая в отечественном, да и в мировом языкознании того времени попытка лексико-функционального анализа*.

Кроме того, при характеристике «презренных слов» Ломоносов впервые проводит *различие между литературным языком* с его жесткими нормами, с одной стороны, и *свободной художественной речью* – с другой. Кстати, это заметили уже В.В. Виноградов [14. С. 4] и В.П. Вомперский [13. С. 248].

Самое существенное, на наш взгляд, в стилистической концепции Ломоносова – это «*рассудительное употребление и разбор*» *трех родов речений как принцип создания литературного текста*: «От рассудительного употребления и разбора сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий» [10. С. 589]. Этот принцип повторяется в работе многократно, для Ломоносова это одно из центральных положений стилистической концепции. Так, при характеристике среднего штиля эта идея повторяется трижды: «можно приять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью»; «употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость»; «в сем шти-

ле должно наблюдать всевозможную равенность» [10. С. 589]. Так утверждается право создателя текста на выбор языковых средств и открываются возможности для индивидуального творчества. *Индивидуально-авторское начало в речевом творчестве* и содержание текста как мотивация для выбора языковых средств – *обязательная черта национального периода в истории литературного языка*, что впервые отметил русский академик. Это открытие Ломоносова касается принципов создания текста в отличие от лингвистики XVIII – начала XIX в., которая занималась языковым инвентарем: звуки, формы, реже – слова.

В последней части рассуждения ученый формулирует, специально нумеруя по степени значимости, ответы на вопрос, в чем польза церковнославянского наследия для русского языка XVIII в. в целом и для речи отдельного его носителя в частности. Здесь отметим впервые установленное *отличие языка этноса и индивидуальной речи носителя национального языка*. Ломоносов советует любителям отечественного слова прилежно читать «все церковные книги, от чего к *общей и собственной пользе* воспоследует» [10. С. 590] (далее перескажем современным слогом): 1) пополнятся средства для возвышения великолепных мыслей; 2) появится возможность для отграничения высоких слов от подлых, причем, «наблюдая равенность слога», автор сам проведет это отграничение; 3) «старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славянского языка купно с российским» [Там же. С. 590] определится критерий для отбора иноязычных заимствований. Заметим: и здесь торжествует «принцип рассудительного употребления и разбору»!

Ломоносов завершает свой труд предупреждением, что с падением природного языка, «без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа; ... из самых развалин, сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкий голос писателей» [10. С. 592]. Вот откуда часто цитируемые поэтические строки Бунина: «Молчат гробницы, мумии и кости, - / Лишь слову жизнь дана: / Из древней тьмы, на мировом погосте, / Звучат лишь письмена». Таким образом, Ломоносов вскрыл *важность природного языка и значимость богатой литературы на национальном языке для сохранения нации и утверждения статуса народа среди других народов*. В конце предисловия М.В. Ломоносов провозглашает: «...словесные науки не дадут никогда притти в упадок российскому слогу» [Там же]. В итоге охарактеризованный им комплекс из *трех взаимодействующих и взаимоподдерживающих элементов: родной язык – литература на этом языке – словесные науки, изучающие язык и литературу, – свидетельство нового, национального состояния русского языка*, которое впервые было осмыслено и описано великим Ломоносовым. Эту главную новаторскую идею ученого следует выделить особо.

Предисловие М.В. Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке» кроме лексикологической значимости содержит впервые изложенную системную оценку нового, национального состояния русского языка середины XVIII в. Последний филоло-

гический трактат ученого – это программа изысканий для последующих поколений исследователей русского языка и русской словесности.

Значительный вклад в учение о русском слове внесла дискуссия о старом и новом слоге российского языка – полемика между «шишковистами», отстаивающими традиции, и «карамзинистами» – защитниками «нового слога». По этому вопросу накопилась достаточная литература [15], выделим особо последнюю по времени монографию А.М. Камчатнова [16], появление которой освобождает от необходимости доказывать значимость для развития лингвистической науки первой открытой дискуссии, занявшей четверть века (1803–1823 гг.) и посвященной языку художественных текстов, публичному разговору и особенно употреблению слов. Профессор А.М. Камчатнов выполнил исследование историко-лингвистического наследия А.С. Шишкова во всей полноте, общая направленность его книги – лингвофилософская, что позволило не только объяснить идею адмирала-академика о славяно-русской природе литературного языка, но и оценить пафос критики «нового слога», содержание деятельности «Беседы любителей русского слова» (1811–1816 гг.), а также понять замысел его трех словарей: «Трехязычный морской словарь» (вышел в трех частях тремя изданиями: СПб., 1795, 1797, 1835 гг.), «Опыт Славянского словаря» (1815–1819 гг.) и «Опыт словопроизводного словаря» (1828, 1833 гг.). П. Бицилли писал: «Шишков... был замечательным семасиологом. Его замечания о перерождениях смысла слов, его словарные сопоставления различных языков с этой точки зрения подчас необыкновенно удачны и ценны. Семантика как наука тогда еще отсутствовала, и в этой области Шишков далеко опередил свое время» [17]. Добавим, что эти два лагеря – сторонников «нового слога» и приверженцев старины – разделяло разное понимание процесса функционирования слова: карамзинисты оценивали отдельно взятое слово, а Шишков призывал выбирать слово, ориентируясь на общий контекст произведения.

Напомним, что в свою очередь Н.М. Карамзин первым показал русской публике на материале лексики возможности сравнительно-исторического языкознания для установления родства языков и народов [18. С. 62–65], был последовательным сторонником исторического подхода к языковым изменениям.

Следующий ученый, заслуживающий быть названным в числе основоположников русской лексикологии, – Федор Иванович Буслаев. Он стремился соединить историю языка, в частности смысл слова, с культурными традициями разных эпох. Во времена Ф.И. Буслаева лексикологию как раздел языкознания не выделяли. Еще в донациональный период была осознана необходимость лексикографии: словари-азбуковники использовались для толкования иноязычных заимствований, поэтому словарное дело было признано как прикладное и единственно полезное для практических нужд словесности. Словари готовили почву для научного изучения семантических процессов русского языка, для разработки учения о слове. Интерес Буслаева к этой области языкознания, осо-

бенно рецензирование разных словарей, подталкивал его к лексикологическим и семасиологическим штудиям. Читатели его учебника «О преподавании отечественного языка» отмечали, что «в отделе, названном стилистикой, Буслаев знакомит нас с лексическим составом русского языка...» [19. С. 10].

Значительная часть конкретных исследований ученого касалась как раз слова, его семантической структуры и функционально-стилистических свойств.

Свой главный труд, посвященный современному для того периода русскому языку, Буслаев назвал «Историческая грамматика русского языка», т.е. «грамматика русского языка с историческими комментариями», причем она была и функциональной грамматикой. Впервые книга была издана в 1858 г. под названием «Опыт исторической грамматики русского языка». «Историческая грамматика русского языка» Ф.И. Буслаева – это энциклопедия знаний о русском языке в середине XIX в. В главе, посвященной синтаксическому употреблению частей речи, подробно рассматриваются выразительные возможности многих отдельных слов. В середине XIX в. никто еще не занимался ни статусом слова как такового, ни определением функций слова в предложении. Во введении ученый пишет: «...только в предложении получают свое значения отдельные слова» [4. С. 21]. Что же касается роли предложения (контекста) для раскрытия значения многозначного слова, то здесь Буслаев прав: сочетаемость слова в контексте – надежный прием для выявления значений слова.

Проследим развитие идей Буслаева о слове, сравнивая его работы разного времени. Первый труд – это магистерская диссертация 1848 г., см.: «Слово как звук, выражающий движения потрясенной души, тронутой впечатлением внешним в соприкосновении с действительностью, означает предметы по тем достоинствам, какие ярче бросаются в глаза и затрагивают воображение» [20. С. 10]. Это высказывание близко современной теории происхождения мотивированных лексем.

Сравним определение статуса слова в «Исторической грамматике»: «Все слова суть не что иное, как названия общих представлений или понятий, потому что одно и то же слово может выражать представление о различных предметах. Напр., слово *дом* означает не только то здание, где мы теперь находимся, но и бесчисленное множество всех прочих предметов, этим словом именуемых... Хотя все слова служат для выражения понятий, однако отличаются большею или меньшею отвлеченностью...» [4. С. 256]. Позже автор уточнил процесс рождения слова: «Слово – не условный знак для выражения мысли, но художественный образ, вызванный живейшим ощущением, которое природа и жизнь в человеке возбудили» [21. С. 1–2].

Несколько раз в «Исторической грамматике» повторяется мысль о том, что «одно и то же слово в различные времена или по различным наречиям родного и того же языка имеет различные значения» [4. С. 260], т.е. с позиций семасиологии Буслаев утверждает идею сохранения единства и тождества слова, когда не только формальные признаки, но и устойчивость семантики позволяют оценивать слово как рав-

ное самому себе. Значит, историческое слово, например, в языке Московской Руси и в современном языке – это разные слова, тем более они неодинаковы в древнерусском языке (едином языке восточнославянской народности) и современном русском (языке русской нации). У них иные семантические связи не только контекстуальные (синтагматические), но и в группе себе близких по значению (парадигматические); см. посвященную этой проблеме статью В.В. Виноградова [7].

Первый раздел «Исторической грамматики русского языка» называется «Этимология», в котором, в частности, ученый говорит о семантических различиях, вызванных историческими чередованиями, сравнивает однокоренные слова, при этом учитывает исторические и диалектные факты.

В главе «Образование слов» Буслаев использует сравнительную методiku для выявления семантических различий в словах. В этом автор видит и практическую выгоду: «Уразумение настоящего смысла слов необходимо для того, чтобы пользоваться речениями родного языка сознательно. ...*столица* происходит от слова *столь*, означавшего в старину престол... *прапорщик* от слова *прапоръ*, означавшего знамя. <...> Ближайшими источниками, откуда почерпнется объяснение слов нынешнего общеупотребительного языка, служат: 1) язык церковнославянский; 2) древнерусский и 3) современный русский, по местным его наречиям» [4. С. 97]. По Буслаеву, для выявления семантики слова нужно проводить исследование, выбирая нужный материал и используя научные данные о причинах и содержании фонетических изменений, о наборе актуальных или архаичных словообразовательных моделей, о правилах сочетаемости слова с лексемами из других частей речи.

Ученый рассуждает как исторический лексиколог: «...нынешний общеупотребительный язык представляет совокупность речений, которых настоящий и полный смысл определяется только исторически... Собственное же значение и правильнейший вид слов определяются историею языка... Относительно значения слов древний и народный язык отличается: 1) ясностью в производстве слов от корней и в употреблении слов в их прямом значении (*дотла* от *до тла* “дно”); 2) точностью, которая определяется ближайшим значением слова к его корню (*на-ук-а* от *-ук-“навык”*, ср. *уч-и-ть*, *при-вык-а-ть*); 3) изобразительностью, по которой слова, ныне употребляемые только в отвлеченном или в нравственном смысле, первоначально имели и вещественное значение (пример: по-н-я-ть “уразуметь, усвоить”, а ранее вообще “брать”); 4) полнотою, расширяющею ныне принятое значение слова. Она объясняется тем, что говорившие живо чувствовали связь слова с его корнем... Так, например, ныне употребляем слово *верста* только в значении известного расстояния; в старину оно имело смысл измерения вообще и потому применялось не только к пространству, но и ко времени, означая возраст, а также равенство вообще, пару, чету, двоих суругов» [4. С. 97]. Говоря «об отношении ныне употребительного слова к его источникам» [Там же], ученый показывает значимость исторических сведе-

ний, учет морфемного состава слова, а также всего набора производных лексем для выявления в полном объеме семантической структуры слова, установления иерархии его значений. Перед нами лаконично и выразительно сформулированная программа анализа семантической структуры слова во всем объеме его значений, оттенков значений и особенностей употребления.

Буслаев проявлял особое внимание к семантическим оттенкам слов. Говоря об особенностях образования глагольных лексем, он приводит большие списки слов с аффиксом *-ну-* (типа *слепнуть, сохнуть, гложуть* и т.д.), большой список глаголов многократного действия (типа *давивал, купливал, кладывал*) и мгновенного действия (*глядь, хватъ, хлоп*), обращая внимание на особенности выражения глагольного действия. По сути, в середине XIX в., опередив свое время, Ф.И. Буслаев стал детально разбираться в лексико-грамматических разрядах глаголов, описание которых в современных грамматиках и учебниках составляет десятки страниц.

Исследователь внимателен к тематическим группам нарицательных существительных, считает необходимым говорить о значении имен собственных. Это касается неофициальных названий лиц с ласкательным и уничижительным значением: *Ванюша, Митюха* [4. С. 47] и слов, означающих отчество [Там же. С. 136]. Он тщательно описывает оттенки значений существительных «увеличительных и уменьшительных, ласкательных или смягчительных и уничижительных»: встречаются «суффиксы *-ыг-*, *-уг-(-юг-)*, *-яг-(-аг-)* для означения унижения, иногда с оттенком жалости, снисхождения и даже ласки, напр. *тороп-ыг-а, пьянч-уг-а, бедн-яг-а, звер-юг-а, дел-яг-а*», причем замечает сферы употребления тех или иных существительных: «прежде *-уш-* чаще употреблялось и в книжном языке, а теперь выходит из обычая, но в разговорном и особенно в областном доселе держится крепко: *Петр-уш-а, пер-уш-ко*» [Там же. С. 134]. Степеням сравнения прилагательных посвящено семь страниц во второй главе [Там же. С. 143–148], при этом анализируется не только семантика с учетом вариативности, но и оцениваются динамика и степень употребительности в разных сферах: церковнославянское, книжное, разговорное, областное.

Безусловно, к семантическим наблюдениям ученого относятся его заметки по лексической стилистике из первой главы синтаксического раздела «Исторической грамматики»: эпитет, синонимы (здесь, кстати, объясняется разница между «собственным» (прямым) и переносным значением слова), тропы: метафора, метонимия, синекдоха [4. С. 289–317]. Например, рассуждая о метафоре, Буслаев подробно рассказывает, опираясь на факты истории языка и народную областную речь, о формировании семантической структуры названий животных, птиц и насекомых, деревьев и растений, ископаемых, видов оружия, водных объектов. Анализ этих слов посвящены целые страницы примечаний (все исторические справки Федор Иванович оформлял как примечания к основному тексту).

С идеями Гумбольдта и современной антропологической лингвистикой связано следующее высказывание академика: «Так как каждый язык пользуется своими

собственными, национальными воззрениями при выражении понятий, то выучиться чужому языку значит не только усвоить себе его звуки и формы, но и установить себя на новую точку зрения, с которой народ изучаемого языка смотрит на природу и жизнь» [4. С. 314]. Ф.И. Буслаев хорошо понимал взаимосвязи разных уровней языка, например, о связи лексической семантики и синтаксических качеств частей речи он писал: «Значение синонимов особенно важно в рассуждении управления глаголов, потому что глагол, заимствуя переносный смысл от синонимов, с которыми поставляется в один разряд, получает то же самое управление, как и прочие глаголы, которыми выражаются синонимы» [Там же].

Перечень рассмотренных им слов касается главных национальных стереотипов русской ментальности: *мир, земля, страна, отечество, путь, пространство и время, душа, жизнь и смерть, искусство, наука, право, вера, судьба, честь* [4. С. 248–253, 275–282, 308–311], *народ, язык и слово, душа и дух, церковь и брак* [20. С. 10, 65–66, 67–74, 88, 105].

Стилистика, в понимании Буслаева, касается прежде всего стилистических свойств лексики. А его «Ономатика» как раздел книги «О преподавании отечественного языка» в основных чертах похожа на нашу ономасиологию, хотя семантическая структура слова – это набор исторических смыслов и символики слова. «Фигурные выражения» Буслаева – это начало изучения фразеологии в отечественной лингвистике, а ведь эти выражения заметил и описал 24-летний автор первого учебника по методике русского языка.

Вслед за «Опытом исторической грамматики...» Ф.И. Буслаев выпустил «Историческую хрестоматию», где впервые представил и прокомментировал лексические особенности древних текстов разных жанров и даже современных ему диалектов. Он открывает тонкие нюансы в семантике и употреблении слова: от богословского до фольклорного, от дипломатического до публицистического.

Ученые конца XIX в. уже осознавали, что наследие Ф.И. Буслаева представляет собой собрание плодотворных идей, которые обязательно будут восприняты потомками: «Благотворное влияние трудов первого историка нашего языка простирается гораздо шире и глубже, чем оно может казаться с первого взгляда» [22. С. 115].

Вывод. Настало время для внимательного прочтения филологических работ М.В. Ломоносова, в частности материалов для «Российской грамматики», содержащих литературные и диалектные факты. Ломоносов дал первую классификацию лексических групп, исходя из лексико-стилистических и функциональных свойств слов. На этой основе он определил принципы создания литературного текста и первым описал особенности лингвистической ситуации в национальный период. Ломоносов и Буслаев работали в науке на пересечении языкознания, литературоведения, истории культуры и педагогики, поэтому в их творческом сознании были задействованы такие ассоциации, которые немыслимы для нашего современника – узкого специалиста. Следует изучить лексикологические заметки Ф.И. Буслаева в «Исторической грамматике»,

в магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянский язык», которая в основном построена на лексическом материале, а также в рецензиях на разные словари, в статьях диалектологического, исторического и методического содержания. В трудах по риторике и стилистике русского языка Ф.И. Бусла-

ев не мог обойтись без лексико-семантического анализа. В своих работах Буслаев выступает как этнолингвист, что чрезвычайно важно для лексико-семантических исследований. Из изложенного нами уже очевидно, что русская лексикология начиналась не во второй половине XIX в., а в середине XVIII в.

СОКРАЩЕНИЯ

ДТП-1 – Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб., 1907. XI, 94 с., 1756 стб.

ГАВО – Государственный архив Вологодской области

Домострой – Домострой по Коншинскому списку // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1881. Кн. 2. С. 166–202.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судаков Г.В. История русского слова. 2-е изд., доп. Вологда : ВоГУ, 2015. 360 с.
2. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. Т. III: Об изменениях значений и заменах существительного. М. : Учпедгиз, 1968. 551 с.
3. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М. : Учпедгиз, 1958. 536 с.
4. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М. : Учпедгиз, 1959. 624 с.
5. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1883. 173 с.
6. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. Избранные работы по языкознанию. М. : АН СССР, 1959. 383 с.
7. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования. История слов. М. : Наука. 1999. С. 5–38.
8. Дерягин В.Я. Проблема семантического тождества слова в исторической лексикологии // Русский язык. Языковые единицы в функциональном и эстетическом аспектах. М. : Наука, 1988. С. 47–61.
9. Судаков Г.В. Предметно-бытовая лексика в ономазиологическом аспекте // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 105–112.
10. Ломоносов М.В. О пользе книг церковных в российском языке // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 585–592.
11. Блок Г.П., Макеева В.Н. Приложения // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 771–949.
12. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М. : Гнозис, 1994. 240 с.
13. Вомперский В.П. Риторика в России XVII–XVIII вв. М. : Наука, 1988. 185 с.
14. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М. : Наука, 1963. 255 с.
15. Александр Семенович Шишков (1754–1841) : материалы к библиографии // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 150–209.
16. Камчатнов А.М. Русский древослов Александра Шишкова: Лингвистическое наследие А.С. Шишкова в научном и культурном контексте эпохи. СПб. : Нестор-История, 2018. 368 с.
17. Бицилли П.М. Державин // Россия и славянство. 1931. 18 апреля.
18. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. первая, т. 1–4. М. : Книга, 1988. Стлб 186. + 185 + 138 + 182 + примечания.
19. Шахматов А.А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка // Четыре речи о Ф.И. Буслаеве, читанные в заседании отдела Коменского 21-го января 1898 года. СПб., 1898. 39 с.
20. Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию. М., 1848. 212 с.
21. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. СПб., 1861. 643 с.
22. Войнаховский К. Значение трудов академика Ф.И. Буслаева в истории науки о русском языке // Памяти Федора Ивановича Буслаева. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1898. С. 61–116.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 ноября 2019 г.

Exploring the Origins of Russian Lexicology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 58–65.

DOI: 10.17223/15617793/450/7

Gurij V. Sudakov, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: gvs035@rambler.ru

Keywords: language theory; language levels; history of Russian word; multidimensional word analysis; semantic structure of word; vocabulary as system.

The beginning of the academic study of Russian lexicology is usually attributed to the last quarter of the nineteenth century and associated with the names of A.A. Potebnya, N.V. Krushevsky, and M.M. Pokrovsky. The aim of the article is to challenge this tradition and, accordingly, to outline the names of different scholars who were the genuine forerunners in the study of lexicology of the Russian language. Using the comparative method, the author identifies three periods in the formation of Russian lexicology: (1) the pre-academic period, which the author outlines giving the evidence of the Old Russian scribes' attention to the meaning of words and describing the scribes' practice of presenting new words and ethnographic vocabulary; (2) the academic period, which the author displays on the basis of the works on the theory of linguistics, the history of the Russian language, historical lexicology and etymology written by Russian philologists in the eighteenth and nineteenth centuries. The author also pays attention to the discussion of the supporters of the "old" and "new" style as the first debate on the vocabulary of the national language and the lexicon of literary texts in Russia; (3) the period of the last quarter of the nineteenth century, which is described as the phase of the study of lexical semantics and lexical system. The author focuses on the conception of a word developed by M.V. Lomonosov and F.I. Buslaev, as well as their attitude to literary traditions and colloquial speech in the period, in which the lexical norms of the Russian literary language were standardised. While analysing the two conceptions of a word, the author shows the correlation between grammar and lexis and describes them as follows: a word is indicated as an essential component of a sentence; the meaning of words is related to their place in the sentence and depends on the context; the development of vocabulary depends on the sociocultural history of the ethnic group. Within the framework of modern semasiology, the author first reveals the original outlines of the word's semantic structure analysis and the word's semantic development patterns, which were discovered by these two scholars and then developed in the works of their

followers. The semantic observations of the two scholars also include their notes on rhetoric and lexical stylistics. The tropes as expressive means, described by Lomonosov, formed the basis of lexical stylistics and rhetoric, and Buslaev's "figurative expressions" laid the foundation for the study of phraseology in Russian linguistics. The works of the founders of Russian lexicology demonstrate a connection with the ideas of Wilhelm von Humboldt and modern anthropology. They first analysed many Russian words, such as *mir* 'peace', *zemlya* 'land', *otechestvo* 'fatherland', *put'* 'path', *dusha* 'soul', *vera* 'faith', *sud'ba* 'fate', *chest'* 'honor', *narod* 'people', *yazyk* 'language', *slovo* 'word', and *brak* 'marriage', which relate to the main Russian stereotypes. Lomonosov and Buslaev also illustrated the analysis of the lexis of different historical eras and different social groups. The author proves that Lomonosov and Buslaev worked at the intersection of linguistics, literature, cultural history, and pedagogy. The study of their academic monographs, essays, etc. from the standpoint of onomasiology and semasiology should be continued. Due to their works, Russian lexicology evidently dates back from the middle of the eighteenth century and was successfully developed throughout the nineteenth century.

REFERENCES

1. Sudakov, G.V. (2015) *Istoriya russkogo slova* [History of the Russian Word]. 2nd ed. Vologda: Vologda State University.
2. Potebnya, A.A. (1968) *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From Notes on Russian Grammar]. Vol. III. Moscow: Uchpedgiz.
3. Potebnya, A.A. (1958) *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From Notes on Russian Grammar]. Vols I–II. Moscow: Uchpedgiz.
4. Buslaev, F.I. (1959) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow: Uchpedgiz.
5. Krushevskiy, N.V. (1883) *Ocherk nauki o yazyke* [Essay on the Science of Language]. Kazan: Kazan State University.
6. Pokrovskiy, M.M. (1959) *Semasiologicheskie issledovaniya v oblasti drevnikh yazykov. Izbrannye raboty po yazykoznaniyu* [Semasiological Research in the Field of Ancient Languages. Selected Works on Linguistics]. Moscow: USSR AS.
7. Vinogradov, V.V. (1999) *Slovo i znachenie kak predmet istoriko-leksikologicheskogo issledovaniya. Istoriya slov* [Word and Meaning as a Subject of Historical and Lexicological Research. History of Words]. Moscow: Nauka. pp. 5–38.
8. Deryagin, V.Ya. (1988) Problema semanticheskogo tozhdestva slova v istoricheskoy leksikologii [The Problem of Semantic Identity of Word in Historical Lexicology]. In: *Russkiy yazyk. Yazykovye edinititsy v funktsional'nom i esteticheskom aspektakh* [Russian Language. Linguistic Units in Functional and Aesthetic Aspects]. Moscow: Nauka. pp. 47–61.
9. Sudakov, G.V. (1986) Predmetno-bytovaya leksika v onomasiologicheskom aspekte [Everyday Vocabulary in the Onomasiological Aspect]. *Vo prosy yazykoznaniya*. 6. pp. 105–112.
10. Lomonosov, M.V. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 585–592.
11. Blok, G.P. & Makeeva, V.N. (1952) Prilozheniya [Appendices]. In: Lomonosov, M.V. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 771–949.
12. Uspenskiy, B.A. (1994) *Kratkiy ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI–XIX vv.)* [A Brief Outline of the History of the Russian Literary Language (11th–19th Centuries)]. Moscow: Gnozis.
13. Vomperskiy, V.P. (1988) Ritoriki v Rossii XVII–XVIII vv. [Rhetoric in Russia in the 17th–18th Centuries]. Moscow: Nauka.
14. Vinogradov, V.V. (1963) *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics]. Moscow: Nauka.
15. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. (2011) Aleksandr Semenovich Shishkov (1754–1841): materialy k bibliografii [Alexander S. Shishkov (1754–1841): Materials for the Bibliography]. 28. pp. 150–209.
16. Kamchatnov, A.M. (2018) *Russkiy drevoslov Aleksandra Shishkova: Lingvisticheskoe nasledie A.S. Shishkova v nauchnom i kul'turnom kontekste epokhi* [Russian Dictionary of Alexander Shishkov: Linguistic Heritage of A.S. Shishkov in the Scientific and Cultural Context of the Era]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
17. Bitsilli, P.M. (1931) Derzhavin. Rossiya i slavyanstvo. 18 April.
18. Karamzin, N.M. (1988) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Book 1, Vols 1–4. Moscow: Kniga.
19. Shakhmatov, A.A. (1898) Buslaev kak osnovatel' istoricheskogo izucheniya russkogo yazyka [Buslaev as the Founder of the Historical Study of the Russian Language]. In: Zhdanov, I.N. et al. *Chetyre rechi o F.I. Buslaeve, chitannye v zasedanii otdela Komenskogo 21-go yanvarya 1898 goda* [Four Speeches About F.I. Buslaev Read at a Meeting of Komenskiy's Department on January 21, 1898]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
20. Buslaev, F.I. (1848) *O vliyani khristianstva na slavyanskiy yazyk. Opyt istorii yazyka po Ostromirovu evangeliyu* [On the Influence of Christianity on the Slavic Language. Experience in the History of Language According to the Ostromir Gospel]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
21. Buslaev, F.I. (1861) *Istoricheskie ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva* [Historical Essays of Russian Folk Literature and Art]. Vol. 1. St. Petersburg: Izdanie D. E. Kozhanchikova: Tipogr. tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za".
22. Voynakhovskiy, K. (1898) Znachenie trudov akademika F.I. Buslaeva v istorii nauki o russkom yazyke [The Value of the Works of Academician F.I. Buslaev in the History of the Science of the Russian Language]. In: Miller, V. et al. *Pamyati Fedora Ivanovicha Buslaeva* [In Memory of Fedor Ivanovich Buslaev]. Moscow: Tip. T-va I.D. Sytina. pp. 61–116.

Received: 24 November 2019